

7. Елагин И. Повесть о самом себе // Рус. архив. 1864. Вып. 1.
8. Пиксанов Н. К. И. В. Лопухин // Масонство в его прошлом и настоящем : в 2 т. М., 1991. Т. 1.
9. Янушкевич А. С. Диалог И. В. Лопухина и Н. М. Карамзина («Духовный рыцарь» и «Рыцарь нашего времени») // Масонство и рус. лит. XVIII – нач. XIX вв. М., 2000.
10. Лопухин И. В. Масонские труды. М., 1913. Вып. 1.
11. Лопухин И. В. Записки. М., 1990.
12. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.
13. Лабзина А. Е. История жизни благородной женщины. М., 1996.
14. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века). СПб., 1994.

Л. С. Соболева
г. Екатеринбург

Жанровая модификация заговора в рукописной традиции

Современная фольклористика предпочитает говорить о различных пространствах существования заговорного слова, справедливо признавая возможную самобытность каждой формы бытования заговора [1]. Письменная форма бытования вызывалась не только страхом потерять основные тексты. Сравнивать память человека современной информационной культуры и традиционной некорректно из-за различных свойств памяти, активизированных в культурах разного характера.

В. Харитонов, перу которой принадлежат подробные исследования ритуально-заклинательной практики в современном мире, пишет, что речь должна идти фактически о двух параллельно существующих вариантах традиции: устном и письменном. «Это, конечно, не исключает полностью использования в устной заклинительной практике отдельных записей “для памяти”, хотя, как правило, устные тексты во время заклинаний не читали по листочкам. Они бытовали по законам устной традиции. Иное дело – объемные, сложно организованные заклинания (чаще всего религиозно-молитвенного характера). Они имели письменную форму не только передачи, но и бытования, использования: применялись как амулеты, обереги, могли читаться по написанному» [2]. Представляется,

что одновременное бытование текстов заговоров в двух ипостасях было вызвано ранними представлениями о магии письменного слова, которые были закреплены миссионерским характером славянской письменности. Помещение текста заговора в кодекс или на обычный листок бумаги давало дополнительную силу магическому слову. Будучи написанным на бумаге или другом носителе, заговор превращался в амулет, который можно было постоянно носить с собой и таким образом получить оберегающую силу не в момент произнесения слова, а на протяжении всего периода присутствия амулета у человека или в доме.

Письменность подкрепляла магическое звучание заговора, что проявлялось в в графических особенностях рукописей. Большинство из выявленных рукописей с заговорными текстами и апокрифами написаны полууставом с использованием титл, юсов, ятей и буквы «ъ» на конце слов, то есть тем древнерусским шрифтом, которым начиная с XVIII века писались преимущественно богослужебные тексты. Обычное место хранения листочков и сборников с заговорами, по указанию владельцев, находится «за божницей», то есть в красном углу за иконой или в книге, чаще всего богослужебной.

В народной культуре прошлых веков рукописная традиция заговорных текстов была хорошо известна исследователям. В классической статье о поэзии заговоров и заклинаний Александр Блок писал: «Есть также особые тетрадки, где помещены только заговоры. Такие тетрадки иногда попадают в руки собирателей и ученых. В них масса грамматических ошибок, местами даже потерян смысл фраз; очевидно, они были очень распространены и переписывались столько раз, что под конец сами переписчики многого не понимали». Блок же отмечал, что письменные заговоры чаще встречаются на севере, где традиция заклинаний более обширная и тексты более подробны [3].

Древнейшие по возникновению, соприкасающиеся по функции с обрядовой поэзией и в ряде обрядов являющиеся их частью, заговоры в процессе бытования сохранили мифологические представления о единстве человека и окружающего мира. Обращение в магии к высшим силам, вера в помощь, обретаемую в результате произнесения магических слов, сближали заговор и пришедшую в народную культуру христианскую молитву. Заговор имеет черты индивидуально-личностного жанра, связанного с судьбой и благополучием конкретного человека, но при этом существенно отличается от молитвы. В нем не столько восхваляются высшие силы, сколько через описание действия исполнитель стремится вызвать ему подобное и тем самым ликвидировать существующее или

грядущее неустройство (личной или общественной жизни). В заговоре предполагается исполнение определенных условий, что неизбежно должно было возыметь нужный эффект и принести пользу, при этом морально-этическая зависимость между обстоятельствами жизни человека, его духовным состоянием и результатом магического заклинания отсутствует. Итоговое действие определяется точностью произнесения обязательных формул, в которых упоминаются сакральные силы, указывается направление влияния, изречается закрепка, перечисляются просьбы произносящего заговор. Христианское вероучение видело в молитве способ воздействия на душу, путь к спасению, и главное действие молитвы предполагало обретение моральной чистоты и душевного откровения, но обращение профанного сознания к молитве также предполагало получение конкретно-практического результата (излечение, избавление от невзгод, спасение в катастрофах и т. п.). Из христианской практики в заговор входят образы высшей святости (Христос, Богородица), святые разного чина, но преимущественно общечтимые, а также сакральный предметный ряд (храм, церковь, престол), мифический Алатырь-камень.

Заговоры с образами христианской святости существовали уже в Византии как в устном, так и в письменном вариантах. И эта традиция оказалась существенной для русской заговорной культуры, о чем свидетельствует нижеприведенный заговор «на пчел». Изначально они могли бытовать в устной традиции, так как в русском православии отношение к заговорам граничило с обвинениями в колдовстве, с преступлениями против веры. Расширение грамотности, приобщение к письменности более широких слоев населения в XVII–XIX веках оказало влияние на существование заговора в его письменном варианте. Доминирующими были заговоры с христианскими элементами, что позволяло носителю традиции рассматривать подобные тексты как вполне легитимные, соответствующие христианским представлениям. Это явно сказалось на количестве письменных заговорных текстов, сохранившихся от этого периода.

Параллельное существование заговора в двух системах оказало влияние не только на его бытование, но и на поэтику. Признавая, что заговоры поистине обретали «второе дыхание» в рукописной традиции, необходимо выяснить, насколько и в каком направлении это происходило, в чем заключалась модификация жанра, связанная с его переходом в новое измерение. В центре нашего внимания – заговоры, посвященные охране пчел, обнаруженные в уральских архивах. Во многих культах пчела соотносилась с сакральными силами, а в христианстве служила символом

мудрости и терпения*, в ее действиях овеществлялась метафора о собранной по крупицам благодати (недаром один из сборников афоризмов в древнерусской литературе назывался «Пчела»). Основой целого ряда веществ, используемых при богослужении (воск, фимиам, канун, ладан) и упоминаемых в заговорах, служат продукты пчеловодства. Упоминание о меде в прямом (кушанье) и аллегорическом значениях в книгах Библии встречается неоднократно. О меде как о пище, которой Бог питал свой народ, говорит Моисей [Второз. 32: 13], дикий мед в пустыне составлял пищу Иоанна Крестителя, сотовый мед и печеную рыбу вкушал Христос, явившись к ученикам после Воскресения [Лк. 24: 41–43].

В сюжетно организованном заговоре повествуется, что за пчелой в «папаримскую землю» посылаются святые Зосима и Савватий, которые выносят пчел в посохе. Охраняемые ангелами, они тайно переносят пчелиный рой в Святорусскую землю. Похожий сюжет впервые упоминает С. В. Максимов, приводя легенду, бытовавшую в среде пчеловодов. В легенде говорится, что до появления этих святых на Руси пчел не было, и они первые принесли «божью работницу» из земли Египетской, где пчел разводили «окаянные измаильтяне». По легенде, святые переносят пчелиных маток в тростниковой палочке. Приводит Максимов и краткую молитву, записанную им в Пензенской губернии, отмечая, что особенно часто эту молитву заставляли произносить детей до двенадцати лет, считавшихся безгрешными, так как «пчелиный промысел считается одним из тех, которые требуют нравственной чистоты и праведной жизни перед Богом»** [6, т. 19, гл. 21]. Обнаруженные уральские рукописи содержат в себе близкие, но не идентичные тексты заговоров. Рукописи привезены во второй половине XX века из районов с развитым пчеловодством, и совершенно явно они имели практическое применение [8]. В составе переписанного цикла из рукописи XIX века [9] несколько связанных между собой текстов различного объема. Первым идет краткий явно устно-поэтический текст, в котором упоминается «громовая стрела, всесильна и цельнаязычна», «очищающа от всякия скверны». Он сменяется апокрифической молитвой-заговором с обращением к героям и событиям христианской мифологии и завершается традиционной канонической молитвой. Из текста явствует идея охраны пчелиного мира как результат акта миро-

---

* Трактовку образа пчелы в мифах см.: [4]. Наиболее полные сведения о верованиях и образах, связанных с образом пчелы в славянской культуре, представлены в обзоре А. В. Гуры [5].

** Записи легенды и заговора были обнародованы в первом издании работы С. В. Максимова [7].

творения. Заговор, опираясь на описание Шестоднева и апокрифические тексты о сотворении мира, проводит параллель силе сотворения красоты земли, ее гармонического совершенства и устройства пчелиного царства в крестьянском дворе. Таким образом в жанр проникают мотивы хождений, связанные с переносом святости из «папаримской» земли в новое православное пространство, и космогонические мотивы, связанные с созданием образа идеального утопического мира. Средневековые представления об утопии включали в себя «представление о некоем гармоническом целом, о содружестве составляющих его элементов, благодаря чему гармония обретает устойчивость или, если в идеале, рай, вечность» [10, с. 27]. Обретение пчел служило превращению крестьянского подворья в подобие рая: «Також-де сотворил еси ты, Господи, небо и землю на водах, тако ж, Господи, утверди святым своим повелением и наделением во дворе пчелы. И как ты, Господи, утвердил на земли море, реки и источники, и потоки и вся, яже в них, тако же, Господи, утверди у меня, раба своего, во дворе, в лесе и на пчелнике пчел молодых и старых до скончания века сего. И как есть, Господи, не отходит человек от своего дому и птица от своего гнезда, звери от своего ложа, тако же, Господи, повели не отходить и не отлетать молодым роям и старым от моего дому и пчелника. И как по повелению твоему, Господи, не отходит от всякого человека пот и всякого зверя пот, и вския птицы пот, и всякого скота пот четвероногого, и от всякой твари, ползающей и летающей, так же, Господи, повели архангелу Гаврилу невидимую рукою, чтоб не велел моим пчелам отходить от моего двора и пчелника, и [от] рукоделия, и от моих сродников и работников, от всякого древа сухова и сырова до скончания века сего, аминь».

В заговоре перед читателем разворачивается эпическое действие героического характера, так как обретение пчел соответствует обретению русской землей благодати. В этом действии участвуют все небесные силы, располагающиеся на камне Алатыре и поднимающие духом святым пчелиную силу, архангел Гавриил, советующий Зосиме и Савватию укрыть «матку» в жезле и уходить тайными тропами в Святорусскую землю: «Господь же благословит Святым Духом своим и предаждь Зосиме и Саватию Соловецким чудотворцем. И повелел пустить с востоку до западу во Сяторусскую землю, в темныя леса, в угодныя древа православным христианом. Такожъ и ко мне, рабу Божию имярек создай, Господи, милость свою, пошли и надели в вотчине и пчелнике пчел молитвами преподобных отец Зосимы и Саватия Соловецких чудотворцов, как приведенныя по повелению твоему из неверный земли во Святорусскую землю на канун и на воск, и на фамиян, и на всякую утварь церковную

и крепление и утверждение». Возникает противостояние «неверной» «папаримской» земли и православного мира, что отражает традиционную оппозицию католичества и православия. В тексте выявляется противоборство добра и зла, свойственное апокрифу, и охрана пчел соответствует охране всего православного мира.

Святые привели пчел «из неверных земли», шли они «з западу и до востоку»* на «всякую утварь церковную и крепление и утверждение». Противостояние Запада и Востока – один из устойчивых мотивов русской словесности. Запад изменил истинному христианству, защитником которого становится восточное государство – Русь. По народным представлениям, на востоке находится Рай, об утрате которого плакал Адам, на западе – Ад. Идея торжества православия в заговоре сопряжена с прославлением Русской земли, защищаемой святыми и Животворящим Крестом. Красота русской земли является продолжением космической гармонии и проявлением божественной премудрости. В тексте ярко выражена идея взаимосвязи природы и человека, их внутреннего единства, обусловленного общим актом божественного творения: «Ныне повелением Твоим древа и како же цветы, Господи, поцветил, и по цветам твоим летают пчелы, носящи мед и соты, и на ладан, и на канун, и на фами-ян, и всякое промышление в дом. Как еси Ты, Господи, сотворил плод на земли человеком и скотом, зверем и рыбам, и птицам травы и древа» [Л. 5–5 об.]. Подобного рода прославление красоты окружающего мира было присуще славянской литературе начиная с раннего Средневековья (например, в «Шестодневе» Иоанна, экзарха Болгарского).

В заговоре существует своеобразная иерархия в оценке высших сил, к которым обращается человек. В образе Бога видится прежде всего созидательная и организующая сила. Богоматерь же защитница, к ней обращаются с просьбами «покрыть, защитить своими святыми ризами, благословить». Зосима и Савватий, а также архангелы подчиняются Господу и зависят от его повелений. Они заставляют пчел своими действиями и молитвами «прилетать к человеку и не отходить от двора и от пчелника». Зосима и Савватий считаются покровителями пчел, но причина выбора именно этих святых никак не обусловлена их житием. Возможная образная параллель связана с организацией монастырской жизни, где монахи, подобно пчелам, усердно трудятся во славу Божию, а сам монастырь подобен улью, во главе которого стоит настоятель, как во главе улья

---

* Противостояние Запада и Востока, традиционное для русского православия, реализовано в маршруте Зосимы и Савватия [см.: 11].

матка – «черная пчела». Празднование дней памяти этих святых соотносилось с заботой о пчелах. В день памяти святого Зосимы (17 апреля) ульи выставлялись на пчельник, а в день святого Савватия (27 сентября) ульи утеплялись на зиму [см.: 6, т. 19]. Образ Зосимы, наряду со святым Агапием, святым Кондратием, святыми Сорока мучениками считались покровителями пчел еще в Византии. Заговор с их именами приводится в работе Андре Гийу [12, с. 385]. На Руси к имени Зосимы добавили имя Савватия, взяв за основу культ не первохристианских, а русских святых, основателей Соловецкого монастыря. Канонизация указанных святых падает на конец XV – первую половину XVI веков, основной комплекс рукописей с житиями относится к XVI–XVII векам [13]. Иконография Зосимы и Савватия Соловецких показывает их с моделью монастыря в руках, которая вполне могла восприниматься в качестве улья, а дружная пчелиная семья напоминала монастырский быт.

Обретение благополучия мыслится в заговоре как результат борьбы, победы над нечистыми силами и над другими пчелами, которые должны быть «покорны и склонны во веки». Подобно тому как «лютый зверь единорог» (средневековый символ чистоты, описываемый в древнерусских «Азбуковниках») побеждал других зверей, так и пчелы должны побеждать чужих пчел. Здесь, как и в других частях, часто используется принцип подобия: «Как по повелению Твоему, Господи, к Акияну морю все моря и реки, источники и потоки текут непрестанно день и ночь, и, как птицы к своим гнездам летают, тако ж бы, Господи, по повелению Твоему летали мои пчелы к моему двору и ко пчелнику и к вотчине». Заговор обращается к использованию развернутых метафор, повторяющих структуру загадки: «Круг моего пчелника стоит град каменной, накрыт небом, огражден светом и месецем и всеми частыми звездами и облаками поднебесными».

В заговорах чередуются различные чувства, вызывая у читателя напряженные лирические сопереживания: от элегически спокойного любования прекрасными, равными райским картинами природы, от величественного чувства гордости за человека, созданного по образу и подобию Божию, до ощущения угрозы разрушения гармонического мира. Сочетание в заговоре космического и конкретно-земного миров, картина сотворения мира, соотношенная с приманиванием пчелиного роя, соединение идеальной земной красоты и устроенного крестьянского хозяйства воссоздают мироощущение, при котором конкретное действие крестьянина есть продолжение миротворчества, а крестьянский двор – продолжение космического мироустройства.

В создании подобного рода заговоров, как мне представляется, проявляется не пресловутое двоеверие русского крестьянина, а, напротив, горячее желание объединить в православной вере окружающий мир, каждый элемент которого является «творением Божиим». «Для православной этики русского крестьянина, — пишет современный исследователь народного православия, — характерно понимание труда как источника и способа стяжания Божией благодати (“Бог труды любит”, “Царство небесное трудно”). Вера и труд занимали центральное место в системе ценностей русского крестьянина — христианина по вере и по образу жизни» [14].

-
1. Подробную библиографию по теме см.: *Топорков А. Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв. М., 2005.
  2. *Харитонова В. И.* Заговорно-заклинательный акт в народной культуре восточных славян // *Этнографич. обозрение.* 1993. № 4.
  3. *Блок А.* Поэзия заговоров и заклинаний // *Народная словесность* / под ред. прив.-доц. Е. В. Аничкова, проф. А. К. Бороздина, проф. А. Н. Овсяннико-Куликовского (Переизд.: М. 2002).
  4. Мифы народов мира : энциклопедия: В 2 т. М., 1980. Т. 2.
  5. См.: *Славяноведение.* 2005. № 6.
  6. *Максимов С. В.* Собрание сочинений: в 20 т. СПб., 1912.
  7. *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
  8. К исследованию привлечены тексты: НБ УрГУ. XIV. 19 Р. /115. Лл. 1–23; Пермская областная библиотека им. А. М. Горького. № 63965 (кон. XIX в.); 63818 (XIX в.); 63966 (XX в.); 63833 (XX в.).
  9. НБ УрГУ. XIV. 19 Р. /115. Лл. 1–23.
  10. *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. М., 1977.
  11. *Подосинов А. В.* Ориентация по странам света в древних культурах как объект историко-антропологического исследования // *Одиссей 1994: Картина мира в народном и ученом сознании.* М., 1994.
  12. *Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2007.
  13. См. описание рукописей в кн.: *Минеева С. В.* Рукописная традиция жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.): В 2 т. М., 2001. Т. 1.
  14. *Кузнецов С. В.* Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // *Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков : итоги этнографич. исслед.* М., 2001.